
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Н. С. РОЗОВ

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОВОРОТАХ ИСТОРИИ: ФАТАЛЬНА ЛИ ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ?

На протяжении примерно 250 лет самосознательной философской традиции в России сохраняются такие черты, как прерывистость, расщепленность на фракции при отсутствии или слабости споров, чрезмерная зависимость от западных идей или чрезмерная самоизоляция, разрыв между уровнями и качеством философского творчества, слабая связь с науками. В статье показано, каким образом эти особенности вызываются спецификой «русской власти», циклической динамикой российской социально-политической истории, складывающимися организационными основами (институциональными формами) философии в России. Представлены ориентиры и векторы преобразований институтов и практик для преодоления негативных черт и обусловленной ими периферийности русской философии.

Ключевые слова: русская философия, мировая философия, философские споры, организационные основы философии, «провинциальная» философия, «туземная» философия.

For about 250 years the self-conscious philosophical tradition in Russia retains such features as discontinuity, split into factions in the absence or weakness of disputes, over-reliance on Western ideas or excessive self-isolation, the gap between levels and quality of philosophical creativity, a weak connection with sciences. The article shows in what way these features are caused by the specifics of the “Russian power” and cyclical dynamics of Russian social and political history, by the correspondent organizational bases (institutional forms) of philosophy in Russia. The prospects and transformation vectors for institutions and practices are presented to overcome the negative traits and peripheral position of Russian philosophy.

Keywords: Russian philosophy, world philosophy, philosophical debates, organizational bases of philosophy, “provincial” philosophy, “native” philosophy.

Философия и общество, № 3 2016 96–115

Сквозные черты философии в России

Если отвлечься от содержания философских идей и присмотреться к структурным характеристикам бытования и развития философии в России примерно трех столетий, то обнаруживаются достаточно устойчивые сквозные черты:

- хрупкость и разорванность поля интеллектуального внимания, отсутствие упорного сосредоточения на определенном круге проблем в течение хотя бы одного-двух-трех десятилетий;
- прерывистость (нет единого продолжающегося потока мысли, в каждый период все начинается будто «с нуля»);
- отсутствие или слабость автономного развития; чрезмерная зависимость от западной философии как в подражании, так и в отвержении; темы и подходы приходят извне; воспроизводящаяся периферийность как во вторичной «провинциальности» обсуждения проблем западной философии, так и в «туземном» отчуждении от них¹;
- практическая невидимость в мировой философии; обе ветви остаются маргинальными в поле внимания западной и мировой философии;
- пугающий разрыв между уровнями, качеством философского творчества в России;
- почти полное отмежевание философии от научного познания при регулярном заигрывании с религией; схоластичность текстов (за редкими исключениями);
- рецидивирующие метания: от вселенских амбиций до самоуничужения².

Брачная метафора

Несколько лет назад на Сибирском философском семинаре я сравнил отношения философии и власти в России с долгой драмой отношений между женой (женами) с изменчивым нравом и властным мужем. Для удобства читателя привожу здесь это сравнение целиком.

«Примерно 200-летняя история взаимоотношений между верховной властью и российской философией, обретавшей самосозна-

¹ Речь идет о философских аналогах «туземной науки» и «провинциальной науки» [Соколов, Титаев 2013].

² См. также полшутливое описание «семи смешных философских грехов» [Розов 2009].

ние как раз в начале XIX в., настолько драматична, настолько насыщена скандалами, разрывами, жесткими взаимными обвинениями, периодами смиренной покорности при тайных изменах, что напрашивается сама собой брачная метафора.

Здесь верховная власть в России выступает в роли мужа с патриархальными ухватками, склонностью к угнетающему гиперконтролю над поведением всех домашних, нетерпимостью к чужому своеволию, что перемежается как периодами снисходительности и наплеватьства, так и приступами самодурства, садистской жестокости.

В то же время российскую философию не удастся представить как единую личность даже с переменчивым нравом. В рамках этой полушутливой метафоры следует говорить скорее о нескольких женах, содержанках, служанках и даже засланных врагами соблазнительницах, которые сосуществуют, обычно бранясь друг с другом, иногда сменяют друг друга, нередко явно или неявно соревнуются за близость к общему хозяину – к власти, а иногда мечтают заменить опротивевшего мужа-домостроевца на нового возлюбленного с захватывающими дух заморскими манерами.

Эту метафору можно развивать и дальше, интерпретируя известные запреты философии, высылку “философского парохода”, репрессии против философов и гуманитариев как наказания и разводы, а не менее типичные попытки приспособить философию в качестве легитимирующей власть и режим идеологии – как новый официальный брак с жестким подчинением супружницы всем повелениям авторитарного мужа.

Несмотря на риторическую заманчивость такого подхода, следует признать, что суть долговременной динамики отношений между философией и властью в России находится в иной сфере, для анализа которой лучше подходят макросоциологические модели» [Розов 2011б].

Вся история российской философии в связи с изменениями организационных основ интеллектуальной деятельности еще ждет систематического анализа (начальные подступы см.: [Красиков 2008]). Здесь же представим лишь эскизный образ, опираясь на ранее проведенное исследование механизма циклов социально-политической динамики в истории России [Розов 2011а: гл. 7–12].

Философия и циклы социально-политической динамики³

В схеме переходов между шестью фазами прослеживается наиболее «проторенная» колея *кольцевой динамики* (Стагнация → Кризис → Авторитарный откат → Стагнация →), а также иногда случается более редкая и более размашистая *маятниковая динамика* (Авторитарный откат → Успешная мобилизация → Стагнация → Кризис → Либерализация → Государственный распад → Авторитарный откат →).

Архетип российской политики (так называемой «русской системы власти» [Пивоваров 2006; Розов 2011а: гл. 8–9]) наиболее ярко проявляется в фазе «Авторитарный откат». Что же происходит с российской философией в соответствующие исторические периоды?

В эпохи Николая I, Александра III, большевизма и сталинщины, брежневского неосталинизма новая верховная власть, поначалу вполне популярная и уверенная в себе, ведет жесткую политику не только в административной и экономической сферах, но и на «идеологическом фронте»: вводит или резко усиливает цензуру, повышает контроль за преподаванием и общественным дискурсом и т. п.

Официальная идеология может опираться как на государственную религию, так и на государственный атеизм. Либо закрываются философские кафедры и философию перестают открыто преподавать в университетах (1830–1850-е гг.)⁴, либо гуманитарии изгоняются на специальном «философском пароходе» (1922 г.), либо философия превращается в одну из главных идеологических дисциплин, обязательных для изучения во всех вузах (с 1930-х по начало 1990-х гг.).

Именно вследствие репрессивных практик со стороны власти складываются две основные традиции русской философии, выделенные еще В. В. Розановым: «учебно-официальная» и «философское сектантство» («темные, бродящие философские искания») [Розанов 1903]. Первая, находясь под бдительным надзором власти, находит свой *modus vivendi* в нейтральном начетническом классифицировании и пережевывании прежних, преимущественно античных и западноевропейских учений. Вторая выражает собственные

³ В основу текста данного раздела положено выступление на Сибирском философском семинаре [Розов 2011б].

⁴ Закрытие кафедр ограничивало философские дисциплины курсами логики и психологии. В некоторых университетах преподавали философию под видом других дисциплин.

взгляды и чаяния более свободно, но все же мимикрирует под литературу или публицистику, что способствует высоким нравственным и религиозным порывам, но также обуславливает отсутствие строгости, систематичности, интеллектуальной последовательности и глубины (так называемая «антитеоретичность» [Атманских 2008]).

С жесткой идеологической политикой «русской власти» связано и другое разделение. Складываются, с одной стороны, конформистские официозные, поддерживаемые властью философские учения, а другой – философский слой протестных идейных течений. Если властная идеология религиозна, то неконформистские философские учения склоняются либо к иной конфессии (католицизму, экуменизму), либо к атеизму. В той же логике советский официальный атеизм вызывал симпатии философствующих неконформистов в вере и религии.

Бурные фазы «Кризиса» (1812, 1853–1855, 1905, 1917–1920, 1941–1943, 1991, 1993, 1998–1999 гг.) обычно приводят либо к смене власти, либо к существенному изменению политики правителей, удержавших свои позиции. В разных условиях «Кризис» приводит либо к «Либерализации», либо к «Авторитарному откату», либо вовсе к «Государственному распаду» (1917–1918 гг. и 1991 г.). Соответственно меняются режимы, условия существования, организационные основы жизни и творчества интеллектуалов, в том числе и философов.

В текущей фазе (2000-е и 2010-е гг.) с наиболее выраженными чертами «Стагнации», но также с мини-тактами «Либерализации» (2008–2011 гг.) и «Авторитарного отката» (с мая 2012 г.) философия не подвержена (пока?) ошутимому властному давлению, зато столичные философы активно привлекаются для медиапроектов («фабрик смыслов»), легитимирующих режим. Острота конфликта между «провинциальным» (прежде всего аналитическим, феноменологическим и постмодернистским) и «туземным» (державно-православно-патриотическим) направлениями ярко проявляется на Российских философских конгрессах.

Сама такая разделенность не является пороком. Разномыслие и интеллектуальный конфликт – это живой сок развития философского мышления [Коллинз 2002]. Беда в том, что настоящий плодотворный конфликт, то есть бурные и продолжительные споры с углублением аргументации в статьях и книгах, – это скорее исклю-

чение в российской истории мысли (таков был спор между первыми славянофилами и западниками).

Привычный паттерн для отечественной философии, как и для гуманитарных наук в целом, – разбредание потенциальных оппонентов по разным журналам, университетским кафедрам, профессиональным сообществам и дальнейшее камлание уже только для своей «понимающей» аудитории.

В чем же дело? Причина видится в отсутствии какой-либо связи между успешной, убедительной аргументацией в споре и репутационными (а также сопутствующими академическими, карьерными, материальными) наградами. Спорить с соотечественниками невыгодно и даже опасно. Типичным, а значит, во многих отношениях полезным, является почти повсеместное признание низкой, не стоящей внимания значимости трудов ныне живущих коллег (кроме своих начальников и научных руководителей, разумеется).

Приведенная в начале статьи брачная метафора может показаться анекдотичной, а кому-то даже оскорбительной, но в основе уподобления имеется вполне субстанциональный инвариант социальных отношений: *безальтернативная ресурсная зависимость от властвующего «хозяина»*.

Пока этот паттерн взаимоотношений между философией и властью будет сохраняться, философия останется зависимой, как женщина в патриархальном доме, вынужденная добиваться благорасположения хозяина (нередко втайне мечтая о его замене).

Уязвимость философии по отношению к циклической динамике российской истории опять же сродни уязвимости женщин в патриархальном доме в связи с естественными жизненными циклами – старением и упадком власти прежнего господина. Разрушить этот паттерн может только преодоление рентной зависимости философской деятельности от государственных структур.

Российская философия и мировая: только ли проповедовать свое или догонять чужое?

Отнюдь не радужным является и состояние мировой философии (с неофициальным, но явным лидерством западноевропейской и американской философии). Имеет место удручающий разрыв между сферой интересов, активности мировой философии (при всей широте и разнообразии направлений) и острыми противоречиями, трудностями современного турбулентного мира.

В каждой области глобальных проблем (международные отношения, межэтнические конфликты, терроризм, войны, голод, истощение ресурсов, деградация среды, рост разрыва в благосостоянии, негативные эффекты технологического прогресса и прочее) требуются более адекватные, выверенные социальные порядки и системы правил в силу повсеместных противоречий, столкновений ценностей, интересов, традиций, потребностей разных групп и сообществ. Везде необходимы, но недостаточны научные исследования и социальные проекты, социоинженерные разработки. Встают вопросы принципов, оснований, которые решаются только философскими средствами.

Разумеется, есть и должны развиваться фундаментальные философские темы, не привязанные ни к каким проблемам современности, но если вовсе не проводить мостики от этих спекуляций к человеческому бытию в мире, то замкнутая в себе схоластика неизбежно теряет привлекательность и сама собой угасает.

Мой тезис состоит не в том, что отвлеченные рассуждения и философское осмысление указанных сфер не оправданы или теряют значимость, а в том, что в период растущей турбулентности, противоречий и конфликтов XXI в. особо важную роль обретает именно *производство адекватных социальных порядков с новыми системами правил и особым вниманием к проведению обоснованных границ в ситуациях ценностного конфликта*. Обоснование же этих порядков и правил остро нуждается в философии, которая пока, увы, на этот запрос толком не отвечает.

За редкими исключениями современные философы и философские центры либо сами чужаются таких занятий, либо не способны к ним в силу обретенных интеллектуальных образцов и ориентиров, либо не допускаются теми, кто захватил монополию в обновлении социальных порядков (прежде всего чиновниками и «экспертами»).

Такова ситуация в мировой философии. Что это означает для философии отечественной? Пытаться встраиваться и «догонять» (путь «провинциальной философии»)? Развивать только свою, особую традицию (путь «туземной философии»)?

Допустим верность тезиса о приоритетности задач производства и обоснования новых социальных порядков и систем правил, проведения границ допустимого, оправданного в сферах конфликта интересов, ценностей, традиций. Тогда перспективный ход состоит

в первопроходческом движении именно в этом направлении, причем при непременном использовании достижений как мировой философии, так и отечественной традиции мысли. Готовы ли мы к этому?

Разнообразие позиций

В начале 2000-х гг. мне уже приходилось структурировать пестрое разнообразие философских голосов, звучащих в современной России [Розов 2002]. Были выделены несколько позиций (ниже перечислены по распространенности, примерно оцененной по частоте встречаемости в журналах «Вопросы философии», «Философия и общество», «Логос», «Философские науки», «Вестник РФО»). Сейчас же пришлось сделать лишь небольшие уточнения.

Державно-лоялистская позиция (с примыкающими к ней православной, «патриотической», националистической, имперской и ностальгически-советской): главным источником философских суждений должны быть традиционные ценности величия России, православия, могучего государства, сильной власти в противопоставление западным «ложным» ценностям.

Западническая позиция включает четыре основные, отчасти пересекающиеся фракции. *Историко-философская классика* охватывает всех адептов европейской традиции от древнегреческих философов до К. Поппера и Ж.-П. Сартра (американская философская классика У. Джемса, Ч. С. Пирса, Дж. Дьюи так и не завоевала популярности, тогда как редкие отечественные приверженцы современного аналитизма ближе к научно-философской позиции). Для *общелиберальной позиции* главным источником философских суждений являются европейские (они же «общечеловеческие») ценности истины, свободы, прав личности, законности, справедливости и т. д. Характер обоснования должен быть рациональным, пусть и не столь строго логическим, как в точных науках. Есть также *элитистская фракция* (обитающая почти исключительно в столичных центрах), участники которой утверждают свое достоинство «посвященных» через изучение и комментирование малоизвестных в России, часто непереведенных, сложных для понимания трудов западной мысли, как правило, иррационалистического толка (вне мейнстрима либеральной демократии, стремления к ясности и логичности). *Фракция крайних скептиков и агностиков* (обычно в форме постмодернистских и подобных рассуждений): никаких

устойчивых оснований для философских и научных суждений нет и быть не может; общий характер обоснования также устанавливать бессмысленно; все вокруг и тем более философия – сплошные дискурсивные игры, симулякры и т. п.

Научно-философская позиция (она же ценностно-нейтральная, позитивистская и сциентистская): главным источником философских суждений являются достоверные научные истины. К ней примыкает *аналитическая традиция*, опирающаяся не на научные данные, а на логический анализ высказываний. Общим является характер обоснования, который должен быть ясным и логически выверенным.

Диалогическая позиция (она же мультикультурная, полицентрическая, экуменическая): главным основанием философских суждений должен стать факт наличия не сводимых друг к другу и самоценных культур, между которыми нужно налаживать равноправный диалог. Характер обоснования проблематичен, поскольку любые претензии его установить чреваты незаконной экспансией норм одной культуры в сферы реального разнообразия мыслительных образцов.

Верна ли такая типология или нет, читатель может убедиться, пытаясь квалифицировать любые попадающиеся ему на глаза философские тексты (в том числе и данный текст), помня, однако, о наличии промежуточных случаев, а также остаточных от прошлых эпох и импортированных позиций, которые обычно синкретично примыкают к вышеуказанным.

Представители этих позиций общаются в своем кругу, пишут для своих аудиторий. Спора между позициями практически нет, разве что презрительные замечания относительно чужаков в качестве сигнала «я – свой и тоже от них отмежевываюсь».

Можно ли и нужно ли способствовать общему разговору, дискуссиям между позициями? Сомнительно, что следует начинать спор ради спора. Нужна какая-то горячая тема, когда никто уже не может «отсидеться», не попытавшись заявить свою позицию в ее обсуждении. К вопросам общего философского спора, условиям его возникновения вернемся позже. Посмотрим вначале, как современные российские философы, явно из разных позиций и явно не худшие, пытаются начать разговор о своем предназначении в текущее «скудное время».

Растерянность, амбиции и ростки понимания

Любопытной и показательной является видеозапись круглого стола с темами «Зачем философ в скудное время?»⁵ и «Зачем философ современности?»⁶, организованного Европейским университетом в Санкт-Петербурге и Открытым философским факультетом 19 марта 2016 г.

Каждый из множества участников вынужден был за считанные минуты выразить свои мысли и чувства, а ведь это гораздо больше говорит о людях и настроениях, чем пространные тексты, подготовленные для публикации. Хаос и разноголосие, сбои коммуникации нормальны для такого рода собраний, тем более когда люди собираются в первый раз. Пересказывать речи – неблагодарное занятие. Отмечу только два основных настроения, которые систематически сталкивались.

Первый включает растерянность, признание своего и общего непонимания происходящего, призывы к «скромности», отказ от «первичности» и слишком высоких претензий философии. Здесь плачевное состояние философии вполне соответствует «скудному времени»: «исчерпанность всего того, что вдохновляло», «философия разжалована из царей», «философ – это только слушатель и артикулятор», «непонятно: сейчас сумерки заката или сумерки рассвета», «философия только подшита к поэзии», «у философии есть конкуренты, и они успешны», «философия не дает понимания мира исторической действительности», «нужен образ зомби, у которого нет опыта сознания», «философ способен только сохранять верность (непонятно чему. – *Н. Р.*) и мотать головой», «институционализируемая философия слепа» и т. д. и т. п.

Самуничижительным и упадочным настроениям, которые в целом доминировали, противостояли предельно высокие амбиции, что выражалось в таких словах: «начало философии – преодолеть хаос и смуту», «философия должна решать судьбы человечества», «философия – истина в режиме откровения», «философ должен быть смелым», «каждый философ должен написать трактат, как жить каждому человеку», «философия должна заявить о своей нужности наукам, чтобы возглавить и этот процесс; но как это сделать, я не понимаю».

⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0C1-xdCIU9Y>.

⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s40decxEXMI>.

Иногда перепады от уничтожения философии и философов до возвеличивания совмещались в одном и том же выступлении, даже в одной и той же фразе. Такой феномен вполне соответствует синдрому «геокультурного невроза», характерному для российского менталитета [Розов 2011а: гл. 12]. Если бы обсуждение этим и ограничивалось, то не стоило бы здесь привлекать к нему внимание. Однако прозвучала еще одна нота, в которой были выражены важные и нетривиальные проблемы, стоящие перед сегодняшней философией.

«Мы живем в глобальном мире, и это мир миров», «нужно преодолеть европоцентризм как картезианский колониализм», «чужой мир становится объектом, но это неправильно», «нужно найти в источнике всеобщности возможность разных разумов». Эти и подобные им тезисы далеки от ясности, но все же показывают достигнутое понимание того, что в современном глобальном мире уже нельзя игнорировать полисубъектность, культурное и ценностное разнообразие с закономерной и возобновляющейся конфликтностью.

С одной стороны, сама суть и природа философии, претендующей на разработку всеобщих оснований суждений и действий, ставится под вопрос при действительном признании этой «множественности разумов». С другой стороны, потребность в сосуществовании, в устойчивом разрешении конфликтов требует не только переговоров и торга, но и общих оснований. Как их найти, не впадая в обычный европоцентристский «колониализм», – большая принципиальная задача, перекликающаяся с приведенными выше рассуждениями о необходимости производства и обоснования новых социальных порядков.

Сходные идеи, часто выраженные в понятиях «толерантность», «диалог» и «полилог», высказываются на страницах философских журналов: «Сегодня реальный диалог, скорее – соперничество, открытое или скрытое навязывание ценностей Запада и Востока друг другу, их столкновение на уровне диалектической борьбы и конфликта. Но диалог не есть простое отстаивание и консервация своей позиции с толерантностью к другой. Толерантность должна быть результативной, способом прислушивания к позиции чужого, совершенствования своего понимания и подхода. Результат диалога и полилога должен вылиться в трансформацию обслуживающих глобализированные сферы человеческого общежития ценностей,

в первую очередь, фундаментальных идеалов – свободы, прав индивида и социума, целевой и ценностной рациональности, либеральной и консенсусной демократии и др. Такой полилог познавательных культур продуктивен и в дальнейшем развитии философии истины» [Билалов 2016: 12].

Итак, некие ростки понимания перспективных задач философии в новом столетии есть. Станут ли они развиваться или будут задавлены, зависит не только от самих российских философов, но и от окружающей институциональной и – шире – социально-политической обстановки в стране. Именно в этом смысле надо понимать классический марксистский тезис «Общественное бытие определяет общественное сознание». Пусть философское творчество как часть общественного сознания обладает сравнительно большей автономией, но уж точно не независимостью, особенно когда практически все философы получают заработную плату в государственных вузах и НИИ.

Ориентиры развития философского сообщества

1. *Расцвет творчества высокого уровня*: международное признание, долговременная интеллектуальная репутация, в идеале – поворот в мышлении, открытие *новых глубоких затруднений*, которые становятся центром внимания мировой философии в следующих поколениях.

2. Преодоление сложившегося порядка изолированных институций и сетей через формирование *общего поля интеллектуального внимания* с принципиальными спорами, ведущими к разработке глубоких оснований суждений, установление прямой связи между качеством творчества и академической карьерой, формальным признанием, возможностями передавать и развивать накопленный интеллектуальный капитал.

3. Неуклонное продвижение *к диверсификации и росту материальных основ* философского творчества, что обеспечит независимость от ведомственных иерархий, даст возможности появления новых творческих групп и центров, будет способствовать установлению связей между философией, научными и экспертными сообществами, а также социальными слоями, группами, сферами, заинтересованными в результатах междисциплинарных исследований и разработок.

Рассмотрим пути и стратегии продвижения к этим ориентирам.

Интеллектуальное внимание привлекают постановка и попытки решения проблем большой общественной значимости со стороны ведущих философов и философских центров. Тогда и следует ожидать поток альтернативных идей и горячих споров с привлечением различных подходов (стратегий, арсеналов средств) философского обоснования.

Естественными организационными формами для этого являются конкурсы творческих работ, связанных с социально и культурно значимыми проблемами, публичные диспуты, дискуссии на страницах журналов с неперенным символическим и материальным поощрением победителей (бесплатные стажировки, грант на исследование или публикацию книги, занятие престижной должности и т. д.).

По разным проблемным областям необходимо налаживать контакты и сотрудничество с различными научными и экспертными, проектными сообществами, создавать общие площадки для обсуждения и совместной работы, мотивационные стимулы: гранты, журнальные рубрики, секции на форумах, формирование временных междисциплинарных коллективов философских и научных исследований, практических разработок.

В перспективе потребуются создание нескольких базовых лабораторий при сильнейших философских факультетах, а также условий (системы грантов, стажировок, лекториев) для формирования профессиональных сетей в каждой области. Параллельно нужно проводить пошаговое смягчение формального оценивания философского творчества (по публикациям, индексам цитируемости и прочим количественным показателям) через переход к оцениванию силами общенациональных профессиональных сообществ с международным участием.

Становится настоятельно необходимой диверсификация ученых степеней через учет места защиты. Это достигается через расширение полномочий руководителей научных и образовательных структур (деканов факультетов, заведующих кафедрами, лабораториями) в принятии на должности и начислении окладов не только в зависимости от степени, но и от места ее получения, качества и количества публикаций, знаков признания со стороны национального и международного профессионального сообщества.

К автономии организационных основ философии

При сохранении авторитарного режима и продолжении порочных циклов в России [Розов 2011а: гл. 7–10] настоящая ресурсная автономия отечественной философии не представляется возможной, поскольку предполагает существование самостоятельных богатых финансами центров вне властной «вертикали», таких центров, которые были бы заинтересованы в поддержании и развитии философского творчества.

Однако даже в этих условиях попытки движения в сторону автономии необходимы. Сюда наряду с преподаванием относится участие в проектах развития города, региона, сотрудничество с экспертными центрами и учеными-предметниками, решение онтологических, методологических, ценностных проблем на стыке наук и общественной практики, обеспечение междисциплинарного синтеза в пограничных, многоаспектных областях общественной практики (образование, экология и техника, биоэтика, градостроительство, законодательное творчество), участие в создании образовательных, интеллектуальных сайтов и порталов.

Диверсификация организационных основ философской деятельности – это магистральный путь обеспечения интеллектуальной автономии. Перспективными формами, дополнительными к нынешним философским кафедрам и академическим институтам, являются общественные научные фонды, независимые исследовательские центры, которые создаются и поддерживаются вне государственных структур и бюджетных денег. Здесь сразу возникает целый сонм практических вопросов, требующих отдельного обсуждения. Единственное, о чем можно говорить с уверенностью – в одиночку философам с такой задачей не справиться. Нужны коалиции с учеными разных специальностей, активистами, социальными проектировщиками. Как участие в коалициях и разработке проектов совместить с требуемой интеллектуальной автономией – также большой и сложный вопрос.

Необходимо обеспечить условия и механизмы, стимулирующие коммуникацию между интеллектуальными центрами, побуждающие к спорам через развитие и углубление философской аргументации. Для развития мышления оптимальны локальные споры (например, между основными позициями в рамках Москвы, Петербурга, ростовского, уральского, сибирского философских сообществ), но с учетом общенационального и глобального контекстов.

Очевидные формы: новые рубрики в журналах с публикацией дискуссионных материалов, перекрестными ссылками, приглашение иногородних лекторов и публичные дебаты, конкурсы творческих работ на актуальные философские темы.

В перспективе понадобится также трансформация организационных основ, порядка и правил принятия ресурсных и кадровых решений (о замещении позиций, о выделении ставок и финансировании, учреждение межрегиональных центров, кафедр, лабораторий и т. д.), с тем чтобы в большей мере учитывались процессы и результаты философских дискуссий, чтобы открывались новые возможности для ярких авторов и творческих групп.

Спор как путь к интеграции поля интеллектуального внимания

С одной стороны, ключ к преодолению разорванности, анклавного характера очевиден: *основательная полемика при сохранении идейной преемственности*. Действительно, разорванное поле философского внимания интегрируется, когда представители разных интеллектуальных течений и фракций сталкиваются в споре. Причем спор этот должен быть не сугубо риторическим, а содержательным и основательным – с солидной проработкой аргументации в объеме публичных докладов и оппонирования, журнальных статей и авторских монографий. Императив идейной преемственности здесь означает использование ранее накопленного в отечественной сети потенциала способов и средств мышления в аргументации.

С другой стороны, вопрос оказывается крайне трудным по той причине, что данный ключ в настоящей российской ситуации никому не нужен, хотя на словах многие могут согласиться с полезностью такой аргументированной и преемственной полемики. Моралистическими призывами здесь не поможешь. Принципиальным решением является институциональная структура, которая связывала бы участие и успех в такой полемике с репутацией и позицией философа в его интеллектуальном окружении, которые подкреплены материальным поощрением и лучшим доступом к формированию своих школ мысли – продолжению линий преемственности.

Ключевую роль играют такие позиции, как заведующий университетской кафедрой и заведующий сектором в НИИ, поскольку, занимая данные должности, исследователь может вести подбор учеников и сотрудников, выполнять самостоятельную исследова-

тельную программу. Сразу обнаруживаем, что, несмотря на формальную «конкурность» замещения этих должностей, соответствующие вопросы практически никогда не решаются публично – с открытым обсуждением результатов и достижений претендентов на должность. Кадровые вопросы у нас традиционно решаются келейно, мирно и «в своем кругу», иногда с интригами, скандалами, жалобами начальству, что никак не меняет общей картины.

Полезно присмотреться к опыту американских университетов, где есть выраженный мотив администрации в привлечении «звезд», причем эти «звезды» как раз получают свой престиж яркими выступлениями на конференциях, статьями в лучших специальных журналах и широко обсуждаемыми книгами.

Разумеется, здесь есть множество подводных камней, начиная от административных традиций и заканчивая объективной трудностью переездов из города в город. Ограничимся здесь только указанием на ориентир движения.

Как преодолевают периферийность

Периферийность российской философии вполне родственна периферийности наших социальных наук, тогда как многие отрасли математических и естественных наук все еще выдерживают планку вхождения в состав мировых центров.

Наряду с осознанием причин периферийности следует систематически изучать «истории успеха» – случаи прорыва изначально периферийных областей в центр, приобретение одиночками или группами «провинциалов» столичной значимости.

М. Соколов и К. Титаев уже указали на казус прорыва социологии Чикагского университета на мировой уровень [Соколов, Титаев 2013]. Известны имена российских экономистов, филологов, психологов, получивших долговременную интеллектуальную репутацию мирового уровня. Выборку вполне можно расширить за счет математики и естествознания (И. П. Лобачевский, Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, А. А. Ухтомский, Л. Д. Ландау, С. П. Капица, Л. В. Канторович, А. И. Мальцев, Г. Я. Перельман), а также за счет стран Центральной и Восточной Европы, Скандинавии (например, Венский кружок, Львовско-варшавская и Финская школы в логике, в философии науки).

Речь должна идти о двух главных «площадках» дискуссий: непростое включение в споры, ведущиеся в зарубежных философских

журналах, и отечественные дискуссии с включением представителей «мягких изводов» «провинциализма» и «туземства». Покажем, что успех в обоих случаях определяется тем, насколько удастся идейный багаж одного поля использовать в другом.

Начнем с полемики в зарубежных, прежде всего западноевропейских и американских, журналах. Почему вдруг вмешавшегося российского философа будут «слушать» (начиная с согласия публикации статьи)? Знакомство с существом самой полемики, позициями участников, предшествующими стадиями спора в той же западной традиции – фактор необходимый (иначе – полное непонимание), но недостаточный.

Действительно, для «центра» провинция лишь как провинция неинтересна. Внимание может привлечь только необычный ход в аргументации, а для этого нужно использовать особый, еще не освоенный «центром» интеллектуальный ресурс. Для российских философов таким ресурсом является как накопленный багаж отечественной мысли, так и идейное содержание актуальных философских споров в России.

В самой же внутривосточной полемике настоящий накал и продуктивность споров возможны лишь при участии и «провинциальной», и «туземной» ветвей. Споры внутри каждого лагеря обычно вырождаются в пререкания начетчиков и комментаторов.

Беда в том, что содержательных столкновений между представителями разных лагерей либо вовсе не происходит (из-за разорванности поля внимания), либо такие встречи ограничиваются выражением обвинений, демонстративного пренебрежения. Действительно, для продуктивного спора нужна некая минимальная платформа согласия, хотя бы относительно критериев аргументированности тезисов.

В классических дискуссиях между западниками и славянофилами XIX в. такая платформа была. Потом она сокращалась вплоть до полного исчезновения. Это касается не только философии, но и обширного поля публицистики. Даже такие яркие и талантливые представители тех же традиций, как А. Д. Сахаров и А. И. Солженицын, не спорили друг с другом, что не случайно.

Представим идеальную модель продуктивного спора в отечественной философии. Разумеется, «провинциалы» будут использовать свои «козыри» – новомодные импортированные идеи и термины. Для «туземцев» такими «козырями» являются либо советский

марксизм (в более или менее развитых версиях «диамата» и «истмата»), либо концепции славянофильской, религиозной, евразийской традиций⁷. В споре могут участвовать только «мягкие изводы» обоих направлений, готовые слушать друг друга и находить друг у друга значимые мысли и подходы.

В роли инициаторов спора должны выступать «провинциалы», знающие об актуальных проблемах, обсуждаемых в западной философии, о противостоящих позициях, о содержательных конфликтах и трудностях. Такие задачи представляются «туземцам» в качестве интеллектуального вызова. При отметании актуальных философских проблем как незначимых дальнейшее общение перспектив не имеет. Если же вызов принимается, то «туземцы» берут на себя непростую задачу найти в своих идейных закромах, вывести наружу, оживить такие смысловые содержания и подходы, которые позволяют если не решить поставленные задачи, то посмотреть на них с новой, неожиданной точки зрения.

Работа «туземцев» с трудностями современной западной философии надежно выводит их из «туземного» состояния. «Провинциалы», занятые теперь не только привычным идейным импортом, но также обсуждением всегда значимых для них актуальных западных проблем посредством местного, неизвестного на Западе идейного потенциала, получают как минимум шанс быть «услышанными». А это уже возможность продвижения к паритетности.

Другая сторона необходимости полемики и включенности в мировые дискуссии – политика философских журналов и издательств, редакционных коллегий книжных серий. Не так уж трудно включить в перечень критериев учет ранее высказанных взглядов в ведущих мировых журналах, оригинальность и аргументированность заявленной позиции.

Философия, бросающая вызов

Теперь представим в качестве «идеального типа» ту периферийную философию, которая хотя бы пытается реализовать сформулированные требования. В ней есть черты «провинциальной» философии (постоянное напряженное внимание к тому, что делается в «столицах», попытки быть там «услышанными») и «туземной»

⁷ Становится доступным пестрое разнообразие философских работ до и вне установления идеологической монополии в СССР (см. солидную книжную серию «Философия России первой половины XX века»).

философии (большие амбиции, смелое прокладывание собственного пути, пестование своих национальных школ, изобретение собственных методов, подходов, понятий, терминологии). Ясно, однако, что это некий иной тип, требующий отдельного обозначения.

В геополитике страну, пытающуюся прорваться в круг великих держав, традиционно называют *challenger* – державой-претендентом, державой, бросающей вызов. Стратегически примерно понятно, *что делать* национальной философии, бросающей вызов «столицам», на основе сформулированных выше общих ориентиров и рассуждений.

Первое – это, конечно же, направленность на обеспечение максимально широкого доступа к текущей «столичной» периодике (наличие западных журналов в местных научных библиотеках) и доступа к электронным публикациям; установление собственных внутренних высоких стандартов (не дожидаясь принудительных норм со стороны ВАКа, Академии наук или Министерства образования) на знакомство с литературой и на оригинальность собственного вклада в решение «горячих» проблем, обсуждаемых в «столицах»; получение поддержки от собственного начальства, например в рамках кампании за места институций в мировых рейтингах.

Второе – формирование исследовательских групп, прежде всего с вовлечением талантливой молодежи со знанием языков и амбициями, регулярные семинары, по возможности стажировки в «столицах», планирование и проведение исследований в связи с горячими «столичными» проблемами, но на основе каких-то собственных конкурентных преимуществ; упорные попытки опубликовать результаты в западных журналах.

Третье – активный поиск авторитетных коллег в «столицах», которые могли бы заинтересоваться проводимыми здесь исследованиями, обязательно личное знакомство с ними (теоретические основания см. в книге [Коллинз 2002]), создание коалиций и выстраивание дальнейших стратегий преодоления философской периферийности.

В отношениях «философия и власть» домостроевская метафора (жена, зависящая от мужа-хозяина) должна быть понята как устаревшая схема, тесно спаянная с порочными циклами российской истории, – и схему, и принудительность власти, и циклы следует изживать. Вынужденная центрированность на отношениях с властью должна быть заменена на обретение своего голоса в кругу

других национальных философий. Российская мысль обретет свое лицо, интересное и привлекательное для других, когда зависимость от власти сменится на другую модель – клуб пусть не равных, но свободных и уважающих друг друга участников обсуждений и споров, продолжающихся в веках.

Литература

Атманских А. С. Философия в России: диалог двух традиций // Философия и общество. 2008. № 1(49). С. 158–175.

Билалов М. И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур // Вестник РФО. 2016. № 1. С. 10–12.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.

Красиков В. И. Русская философия today. М. : Водолей Publishers, 2008.

Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М. : РОССПЭН, 2006.

Розанов В. В. Природа и история. СПб., 1903. С. 161–165.

Розов Н. С. От каких печек пляшем? // Вестник Российского философского общества. 2002. № 1. С. 80–81.

Розов Н. С. Семь смешных философских грехов // Вестник Российского философского общества. 2009. № 3. С. 58–63.

Розов Н. С. Колея и перевал. Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011а.

Розов Н. С. Философия и политика в России: драма отношений в контексте циклической динамики // Интеллектуальные ценности в современной России. Материалы 1-го Сибирского философского семинара. Новосибирск : НГУ, 2011б. С. 7–10.

Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.